

Прощание со Спасским

К 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева телеканал «Россия» готовит подарок своим зрителям — четырехсерийный телефильм-экранизацию романа «Отцы и дети». Режиссеру Дуне Смирновой и художнику-постановщику Александру Адабашьяну не пришлось ломать голову при выборе природы для съемок: конечно, снимать надо на родине писателя, в орловской усадьбе Спасское-Лутовиново.

Прошлым летом съемочная группа фильма работала в Спасском целый месяц. «Орловская правда» посвятила этому событию ряд публикаций. На днях команда вернулась, чтобы доснять зимние сцены: провода Павла Петровича Кирсанова (в этой роли снимается Андрей Смирнов) и посещение сельского кладбища стариками Базаровыми (Сергей Юрский и Наталья Тенякова). Предлагаем нашему читателю репортаж со съемочной площадки.

«...Стояла белая зима с жестокою тишиной безоблачных морозов, скрипучим снегом, розовым инеем на деревьях, бледно-изумрудным небом, шапками дыма над трубами, клубами пара из мгновенно раскрытых дверей, свежими, словно укушенными лицами людей и хлопотливым бегом продрогших лошадей» — так начинается последняя глава-эпизод романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: в ней писатель собрал всех «выведенных» им в романе лиц через полгода после основных событий романа. Удивительно, но среди промозглой оттепели нынешней зимы именно таким — тихим, безоблачным, морозным — выдался и последний день съемок в окрестностях Спасского. Та-

— уныло возразила было Тенякова. «Но они же для «близки». «Ну а эти — для «дали»... — вяло отшучивалась Наталья Максимовна, обреченно уступая непоколебимой воле постановщика.

Александр Адабашьян придирчиво оглядывал зимнюю экипировку саней, приготовленных для «отбывающего» Павла Петровича: саквояжи, баулы, пледы... Самый живописный реквизит — настоящая медвежья шкура с когтистыми лапами — напомнил эпизод из биографии Тургенева, который приводит в своей книге «Жизнь Тургенева» литературовед Юрий Лебедев: в пору первого знакомства с Полиной Виардо (его представили заезжей оперной знаменитости со словами «славный охотник и плохой поэт») Тургенев вместе с тремя друзьями, тоже начинающими поэтами и охотниками, добыл медведя в окрестных лесах Петербурга и «привез в подарок своей богине редкую по красоте и величине шкуру». Виардо всякий раз после спектакля нежилась на этой шкуре, а друзья располагались возле лап — Тургеневу тоже досталась своя лапа. Их так и прозвали — «лапами»: «первая, вторая, третья и четвертая». Какой по счету «лапой» был Тургенев, история умалчивает.

Говоря о предметном антураже в фильме, нельзя не отметить замечательные костюмы — сдержанно-выразительные, исторически точные, неброские и в то же время живописные: чепец, капор, шуба, шинель... Удачно, со смыслом подобранный костюм много прибавляет образу: в таком и актер себя увереннее чувствует, и «картинка» обретает нужный колорит. В этом фильме артистов одевает опытный, талантливый и очень «модный» сейчас и востребованный художник по костюмам Оксана Ярмольник (если кому интересно — жена известного актера). Четверть века Оксана работает художником по костюмам в театре и кино — на ее счету более 80 спектаклей в ведущих театрах страны. Показатель ее экстрауровня как художника: актеры не выглядят ряжеными на площадке, наоборот, среди них кажется, что время повернуло вспять, и на-

Артист-кучер А. Рыженков увозит барина П.П. Кирсанова (А. Смирнов).

этом фоне странно выглядят современные пуховики.

...Итак, Андрея Смирнова, в цилиндре и лисьей дохе, в который раз усаживали в повозку, укутывая ноги пледом и меховой полосью, и в который раз лихо прока-

кейских» кудрях, с нескрываемым ужасом опускался в сани... Неукротимую лошадку по приказанию помощника режиссера еще долго гоняли кругами по заиндевевшим окрестностям, «чтобы выбить дурь» и успокоить.

Подолшло время, и на заснеженных российских просторах выпустили чету «стариков Базаровых»: по сценарию они должны, утопая в снегу, брести к могиле сына. «Сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России», убогое, с покосившимися крестами, было «организовано» неподалеку от санного пути. (Адабашьян со свойственным ему мрачным юмором на мой вопрос: «А кладбище настоящее или...?» ответил, сморщив лоб, вытупившую на морозе: «Да нет, массовку закопали, завтра утром отроем».) Сюда, пишет Тургенев, «из недалекой деревушки часто приходят два уже дряхлые старичка — муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшей походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени». Раз пять шли Юрский с Теняковой по глубокому снегу, пока их походка, действительно, не стала «отяжелевшей». «Так рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень», — напомнил кто-то из группы текст Тур-

генева. Вышло очень смешно.

И вообще, атмосфера на площадке, пока шла подготовка к съемкам очередного эпизода, царилась самая что ни на есть кавэ-эновская: Дуня травила анекдоты, яростно жестикулируя руками в толстых перчатках, Юрский похатывал, попивали горячий чаек в пластиковых стаканчиках... Но когда раздавалась команда: «Тихо! Идет съемка!», и под прицелом камеры пара гениальных артистов одиноко брела в снегах к покосившимся крестам... Сердце екало, и думалось «о вечном примирении и о жизни бесконечной»...

Впрочем, все-таки непримиренным уезжал из России герой Андрея Смирнова. Ведь из последней главы «Отцов и детей» нам известно, что Павел Петрович Кирсанов, «придерживающийся славянофильских воззрений», тем не менее «остался на жительство» за границей. В какой-то момент показалось, что режиссер-постановщик фильма Дуня Смирнова больше симпатизирует Павлу Петровичу в его идейном споре с Базаровым. Во всяком случае, сочувствует этому герою больше, чем даже сам автор романа. Достаточно было посмотреть, с каким участием к покидающему Россию Кирсанову снимались эти последние сцены... Но не будем спешить с преждевременными выводами — картина еще в работе.

Вот Смирнов, выйдя из теплого автобуса, где мы беседовали (интервью читайте в ближайшем номере), зябко поёжился, холодно отоглядел окрестности — уже как Павел Петрович Кирсанов. Еще минута, и его героя, когда-то не понятого и отринутого жаждущей потрясений России, унесли сани со скрипучими полозьями далеко-далеко.

В свое время в России не приняли и самого Тургенева: «новые люди», «дети» России — предатели революционной молодежи, были разочарованы романом. В 1880 году писатель в одном из русских журналов признавал: «В глазах нашей молодежи... я всегда был и до сих пор остался «постепеновцем», либералом старого покрова в английском династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только сверху, — принципиальным противником революций». А в 1881-м террористы убили царя Александра II. Это был первый звонок перед началом русской трагедии. Примирения, о котором мечтал Тургенев, не получилось. Он уезжал из страны, в которой ему уже не было места. И умер на чужбине. «Прощайте, мои милые, — говорил он перед смертью по-русски, — прощайте, мои белесоватые...» Наверное, виделась ему орловские березы, а может, белоголовые крестьянские ребятишки.

«Прощайте, мои милые», — проговорил Смирнов-Кирсанов провожающим. И сани дернулись, отлепляя полозья от снежного наста. И вот уже маленькой точкой чернеет повозка вдали.

Татьяна ПАВЛОВА.
Фото автора.

С.Ю. Юрский — отец Базарова.

кого заповедного зимнего денька — со снегом и морозцем — съемочная группа ждала с декабря. Пресловутое потепление климата грозило сорвать планы. Но природа наконец сжалилась и одарила погодой, словно на заказ — был и снег скрипучий, и розовый иней, и продрогшие лошадки.

Продрогли, надо сказать, не только лошадки. Кинозвезды, с задубевшими от мороза, покрасневшими, «словно укушенными лицами» (по меткому выражению классика), периодически отогревались в автобусе, чтобы хоть как-то восстановить способность к мимике. Юрскому повезло больше всех: его героя укутали в плотный шерстяной платок так, что оттуда только и выглядывала его до боли знакомая Остаповская улыбка. Андрею Смирнову тоже, думается, было комфортно в роскошной лисьей шубе, которая ему «придала еще больше грансеньюрства» (опять цитирую Тургенева). Наталья Тенякова, едва окинув взглядом ослепительные (в буквальном смысле) прелести зимнего пейзажа, капризно (как и полагается кинодивам) заявила: «Темные очки снимать не буду», на что режиссер ответила скептически-категорической ухмылкой. «Но есть же у нее по сценарию очки...»

Говоря о предметном антураже в фильме, нельзя не отметить замечательные костюмы — сдержанно-выразительные, исторически точные, неброские и в то же время живописные: чепец, капор, шуба, шинель... Удачно, со смыслом подобранный костюм много прибавляет образу: в таком и актер себя увереннее чувствует, и «картинка» обретает нужный колорит. В этом фильме артистов одевает опытный, талантливый и очень «модный» сейчас и востребованный художник по костюмам Оксана Ярмольник (если кому интересно — жена известного актера). Четверть века Оксана работает художником по костюмам в театре и кино — на ее счету более 80 спектаклей в ведущих театрах страны. Показатель ее экстрауровня как художника: актеры не выглядят ряжеными на площадке, наоборот, среди них кажется, что время повернуло вспять, и на-

Дуня Смирнова — режиссер-постановщик.

тывали перед камерой «в русскую заснеженную даль». Дубль за дублем проходили гладко. Хорошо, Смирнову досталась покладистая лошадка, смирно жевавшая сенцо в перерывах. (Повозкой, к слову, управлял наш старый знакомец — конюший Спасского и, как он теперь всем представляется, артист

